

Л. В. Шаховской

С ТЕАТРА ВОЙНЫ
1877–1878.
ДВА ПОХОДА
НА БАЛКАНЫ

• КУЧКОВО ПОЛЕ •

ВОЕННЫЕ

МЕМОАРЫ

Военные мемуары (Кучково поле)

Лев Шаховской

**С театра войны 1877–1878.
Два похода на Балканы**

Издательство «Кучково поле»

1878

УДК 94
ББК 63.3(0)53

Шаховской Л. В.

С театра войны 1877–1878. Два похода на Балканы /
Л. В. Шаховской — Издательство «Кучково поле»,
1878 — (Военные мемуары (Кучково поле))

ISBN 978-5-9904362-1-3

Князь Лев Владимирович Шаховской (1849–1897) с начала боевых действий против Турции в 1877 году находился в действующей армии на Балканах, проделал поход вместе с передовым отрядом будущего генерал-фельдмаршала И. В. Гурко в качестве военного корреспондента. «Это просто ряд впечатлений, записанных мною во время моего пребывания в отрядах генерала Гурко», – так сам Шаховской представил читателям свою книгу.

УДК 94
ББК 63.3(0)53

ISBN 978-5-9904362-1-3

© Шаховской Л. В., 1878
© Издательство «Кучково поле», 1878

Содержание

I	6
В погоне за генералом Гурко. Отряд корреспондентов в горах	6
На Шипке	15
Рассказ очевидцев о переходе Балкан	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Лев Шаховской
С театра войны 1877–1878.
Два похода на Балканы

К 135-летию РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1877–1878 гг.

© ООО «Кучково поле», 2013

I

Первый поход за Балканы

В погоне за генералом Гурко. Отряд корреспондентов в горах

Как только сделалось мне известным, что наш передовой отряд перешел Балканы, я решился нагнать его по той дороге, по которой он прошел, надеясь собрать обильный материал для корреспонденций. Меня уверяли, что дорога до отряда вполне безопасна, советовали спешить и подбить ехать с собой нескольких других корреспондентов, так как в компании ехать сподручнее, да и следовало иностранным корреспондентам проехать по новой, проложенной русскими войсками через Балканы дороге. Разрешение великого князя на мою поездку было немедленно дано; в тот же вечер было написано официальное отношение генералу Гурко о том, что я прикомандировываюсь к его отряду, а я, чтобы не терять времени, в ту же ночь из нашего лагеря отправился верхом в Тырново (версты за три), чтобы найти себе компаньонов для дороги. Разыскал я ночью г. И. – корреспондента «Нового времени», г. Де Ла Мотта (De La Motte) – корреспондента журнала «Тан» (Temps), Дика Лонлея (Dick Lonlay) – корреспондента «Монд иллюстре» (Monde Illustré) и Пелисье (Pellicier) – корреспондента одного испанского журнала. Разбудив их ночью и скрывая (как мне было приказано) от них место поездки, я уговорил их следовать за мной, обещая при этом много интересного. Корреспонденты согласились. Отъезд был назначен на утро 4 июля, но кончилось тем, что со сборами мы выехали из Тырнова только в шесть часов вечера. Маленький отряд наш при выезде из Тырнова был составлен следующим образом. В мою тележку я положил свои вещи: маленький чемоданчик, палатку, постель с одеялом и пледом. Сюда же положил свои вещи И., предложивший пару своих лошадей. Таким образом, дышлавая тележка с вещами и с кучером Антоном шла впереди, запряженная четверней (парой моих и парой лошадей И.). Я ехал верхом, И. – также; трое же иностранных корреспондентов поместились в свою громоздкую, отличной работы коляску, запряженную четверней, привязав верховых лошадей сзади коляски.

Маршрут наш, намеченный по карте с названиями деревень, на которые мы должны были ехать, хранился у меня в кармане и составлял пока тайну для других моих спутников. В то время в Главной квартире хранили в тайне переход нашего отряда через Балканы вследствие военных соображений. Мы взяли проводника-болгарина до ближайшей деревни и в шесть часов вечера выехали из Тырнова, узким ущельем сразу вступив в горную местность. Вечер был дивный, и виды великолепны. Через полчаса езды мы очутились совершенно в горах: целое море холмов, вершин, высоких и низких гор составляло наш горизонт, и очертания их были самые разнообразные. Я в первый раз увидел настоящую горную местность и, несмотря на усталость от хлопот целого дня, был очень доволен, почти в восторге. Вокруг нас вся почва была покрыта голубыми цветами, отчего горы получали при заходящем солнце нежно-голубой отлив. Я сравнивал нашу дорогу по горам с плаванием по морю: кроме неба да гор, ничего не видно, а постоянные подъемы и спуски – словно медленная качка на море. Проводник наш, как оказалось вскоре, не знал вовсе дороги, и мы продвигались вперед, расспрашивая про дорогу у встречных крестьян. Первая остановка наша должна была быть в деревне Плаково, где мы предполагали заночевать и до которой думали добраться засветло. Добрались на самом деле только в одиннадцать часов вечера, при совершенной темноте и успевших нависнуть тучах. В деревушке нашли казачий пост, оставленный нашим передовым отрядом, и при помощи казаков быстро отыскивали себе ночлег. Это был благоустроенный дом, где оказались диваны,

свечи, отличный ужин, вино и даже чистые простыни. Увидав такую роскошь, а главное, выпив местного вина, спутники мои пришли в веселое расположение духа. Французы стали сыпать остроты, и я, взяв с них слово, что они не возвратятся уже назад в Тырново и не покинут меня, сообщил им цель нашего путешествия, чем они остались весьма довольны.

Хорошо выспавшись, в пять часов утра следующего дня мы снова пустились в путь. В этот день холмистый характер гор сменился более конусообразными очертаниями, и горы были покрыты лесом. Подъемы стали круче, чувствовалось, что мы взбираемся все выше и выше; сотни ручейков, ручьев и фонтанчиков текли и бились между расселинами гор и в глубине узких долин. Вода в них была чистая, холодная и очень вкусная, а день же, кстати, был весьма жаркий. Без особых приключений мы добрались до состоящего из трех домов селения Баниул к двенадцати часам дня, нашли там второй казачий пост и напоили лошадей. Проводник, взятый нами из Плакова (тырновского проводника мы прогнали), объявил нам в Баниуле, что вести нас вперед не может, ибо не знает дальше дороги, а казаки стали уверять, что дорога дальше непроходима для коляски и тележки и что следует бросить экипажи. Так как в Баниуле мы не нашли проводника из болгар, то я, пользуясь тем, что был одет в свой походный мундир, приказал одному из казаков сесть верхом и вести нас до следующего казачьего поста. Казаки кинули жребий, кому из них быть нашим проводником, выбрали одного, и мы, предводимые казаком, двинулись в дальнейший путь в первом часу дня. Переезд от Баниула до следующей деревушки Войнешти был очень тяжелый, так как горы становились все круче и круче, а дорога все каменистее и уже. Четырем лошадям в ряд было идти невозможно, ибо с одной стороны мы постоянно находились на краю обрыва, а с другой – у стены высокой горы; и на этой узкой тропинке лежали на самой дороге огромные камни. Кое-как добрались до Войнешти часов около трех дня. Там расположились отдохнуть и, к прискорбию своему, увидели, что в Войнешти нельзя найти никакой пищи, кроме персиков, слив и хлеба. Закусив этим скудным провиантом, взяли нового казака из Войнешти, переложили лошадей, так что пара шла в дышле, а другая пара – впереди, как ездят с фореитором. Утомленные от жаркого дня и медленного пути, почти голодные, мы двинулись дальше в шесть часов вечера не в веселом расположении духа. Лошади, не привыкшие к новой запряжке, путались, сбивались в сторону, натаскивали тележку и коляску на камни. Каждую минуту приходилось останавливаться и поправлять лошадей. В довершение всего люди наши начали громко браниться и отказываться ехать далее, так что кучера французов пришлось угрозами заставить молчать и слушаться приказаний.

Не знаю уж, как далеко успели бы мы уехать при таких условиях, но неожиданный случай явился к нам на помощь и вразумил нас. На одном из крутых подъемов колесо коляски попало между двух камней, и когда лошади стали дергать вперед, ось застрявшего колеса сломалась. Я приказал своей тележке объехать коляску по покатоному месту горы, но тележка моя, едва сдвинулась с места, очутилась внезапно всего на двух передних колесах: задние колеса и кузов ее оторвались от передка. За целый день у нас столько накопилось желчи и столько мы внутренне уже сердились, что это внезапное приключение подействовало на нас отрезвляющим образом, и все мы единодушно расхохотались. Однако медлить было нельзя. Быстро сообразили, как быть и что делать. Послали нашего казака в Войнешти привести других казаков на помощь. Те скоро прискакали, и мы, сложив все не крайне необходимые вещи в коляску французов и поручив казакам починить коляску и доставить ее с вещами назад в Тырново, двинулись далее. Кузов своей тележки я бросил в горах, а из передка И. устроил весьма остроумную повозку на двух колесах. Конечно, на передке нельзя было уложить много вещей, и было постановлено в принципе, что каждый из нас положит на передок только по одному маленькому чемоданчику. Шествие наше получило следующий порядок: в передок были запряжены лошади И., которых тянул под уздцы Антон, сидя впереди на моей лошади (выпряженной из сломанной тележки); на другой моей лошади ехал наш общий лакей-болгарин, и наконец, мы все верхами, с казаком впереди. Небольшой багаж наш прикрутили веревками к передку, чтоб он не сползал на

землю. Часов в девять вечера поехали дальше, и уж не умею сказать, по какой дороге доехали до перевала к двум часам ночи. Была темнота; луна на несколько минут показывалась из-за туч и снова скрывалась. Мы видели только смутно темные массы гор, теснившихся вокруг нашей дороги, слышали шум ручья, бурлившего где-то глубоко внизу обрыва. Передок наш стучал по камням, взбираясь на глыбы и со звоном падая на следующие острые торчащие по дороге камни. Лошади, Бог знает как и почему, ступали своими ногами. Мы то спускались в ущелье, ехали по воде, по руслу ручья, то взбирались на страшную высоту. В темноте нельзя было ничего разглядеть. От длинного, полного впечатлений дня мы были утомлены донельзя и ехали всю дорогу молча.

Около двух часов ночи из-за кустов заблестал костер, и мы очутились на вершине горы, представлявшей собой круглую площадь. Кругом высоко и мрачно торчали пики Балкан, но на плоскости, куда мы въехали, ярко горел огонь. Казаки спали вокруг костра, лошади их стояли, пережевывая сено, а горевшее пламя освещало высокий деревянный столб на каменном пьедестале с высоко развевающимся белым флагом. Мы первым делом бросились к столбу и при помощи света костра и спичек прочли следующую вырезанную на столбе надпись: «30-го июня 1877 г. Переход генерала Рауха с коннопионерным дивизионом через Балканы. 4 тыс. фута. н. п. м.». Далее следовали фамилии офицеров, перешедших Балканы с генералом Раухом. Мы были на перевале. По шуму и направлению ручьев, текущих по обеим сторонам горы, на которой мы находились, мы догадались, что тут месторазделение горных потоков, из которых одна часть течет на южную сторону Балкан, другая – на северную.

Измучившись сами порядком в этот день, усталые и голодные, мы особенно чутко почувствовали в этом столбе нечто родное, как будто и мы были участниками победы, одержанной над Балканами, в память которой стояла тут простая, полуотесанная деревянная колонна с развевающимся белым флагом. Это чувство – чувство какого-то довольства, радости, скажу, гордости приободрило нас до того, что Пелисье, который едва шевелил языком от утомления, смог высказать глубокомысленное замечание, что в этой колонне для него заключается «весь синтез настоящей кампании». Казаки при нашем приближении повскакали на ноги, угостили нас хлебом. У Ла Мотта отыскалась внезапно коробка сардин; мы заварили чай и, таким образом поужинав, решили скорее спать. Но спать вообще, не только скорее, было весьма трудно. На вершине горы дул резкий ночной ветер; ни домика, ни хижинки не было кругом на десять верст расстояния; приходилось мастерить себе постель на открытом воздухе и при весьма скромных постельных принадлежностях. Я положил на голую землю кожан, под голову – седло, укутался в свое форменное пальто и расположился заснуть *à la belle étoile*.¹ Спутники мои сделали то же самое. С непривычки спать на открытом воздухе только дремалось, а не спалось, и мы все поднялись в пять часов утра со своих неудобных постелей. Заварили снова чай; Дик Лонлей срисовал колонну, а часов в семь мы уже оседлали лошадей, запрягли наш передок и готовы были снова двинуться в путь.

В семь же часов прискакал казак из Тырнова и объявил казачьему посту на перевале, что по всей дороге приказано снять посты и казакам вернуться в Тырново. Тут же мы узнали, что от перевала и вплоть до передового отряда сторожевых постов уже более нет. Вместе с тем казаки на перевале не сумели объяснить нам, как далеко находится передовой отряд: быть может, он находится верст за сорок, быть может, еще дальше. Я и И. поняли тут, что с этого момента и до неизвестного места, где находится передовой отряд, дорога наша ничем не обеспечена. Положение могло сделаться весьма неприятным. Но делать было нечего, нельзя же было ворочаться назад и сознаваться в трусости, в особенности после полуторадневного тяжелого путешествия. Я и И. решили скрыть от наших спутников-иностранцев настоящее положение дела из боязни, чтобы те не вздумали вернуться назад в Тырново вместе с последними уходящими с

¹ Под прекрасными звездами (фр.)

перевала казаками. Сели снова на лошадей, и я взял на свою ответственность казака с перевала с тем, чтоб он не разлучался с нами до тех пор, пока мы не отыщем передового отряда генерала Гурко, где бы этот отряд ни находился. Мы выехали с перевала в 7.30 утра, на южную сторону Балканских гор, по крутому каменистому спуску, ведущему к руслу неглубокого ручья, по дну которого проходила дальнейшая дорога. По бокам стоявшие горы сдвигались все ближе к дороге, становились угрюмее и казались дикими; густой лес покрывал их от подошвы до верха. Мы двигались по дну довольно широкого, но неглубокого ручья, по берегам которого стеной разрослись кусты и деревья, так что путь наш представлял бесконечно суживающуюся аллею. В 10 часов солнце стало уже порядком припекать, и прохлада ручья, и тень нависших кустов и деревьев были как нельзя более кстати. Лошади то и дело наклоняли головы, втягивая в себя холодную воду горной речки; всадники часто слезали с коней, чтоб утолить жажду, так как в узкой, сжатой горами дороге по ручью становилось душно. Меня и И. ни на минуту не покидали смутная тревога и беспокойный вопрос: где наш отряд и когда мы его догоним? Где только позволяла дорога, мы погоняли лошадей и ехали крупной рысью, стремясь поскорее выбраться из гор. Несчастный Ла Мотт, который, кажется, первый раз в жизни ехал верхом, представлял печальную фигуру в английском седле и беспрестанно бранился и извергал бесчисленное количество самых разнообразных французских *jurons*,² не понимая, куда мы спешим по такой палящей жаре и по такой несносной дороге. Часов около 12 дня мы свернули от ручья в сторону и стали подниматься по крутому подъему; ручей глубже и глубже уходил вниз, а горы сдвигались все ближе. Мы были у входа в Хаинкиойское ущелье. Ущелье это страшно: на пугливом коне опасно по нему ехать, дорога так узка, что два всадника едва-едва могут проехать рядом – наш передок занимал как раз всю дорогу.

Справа у нас была пропасть, на дне которой широкий ручей казался узкой струйкой; за пропастью вздымались высочайшие горы; слева стеной стояли неприступные каменистые глыбы, высоко поднимавшиеся под самое небо. Ущелье было узко, дико и как-то подавляло нас, стесняя дыхание. Несколько человек болгар попались нам навстречу с навьюченными лошадьми, и на наш вопрос «где находится генерал Гурко?» объяснили, что Гурко ушел очень далеко, что Казанлык взят нашими войсками и что до Казанлыка остается еще верст 40–50. При выходе из ущелья мы встретили еще более многочисленную партию болгар, человек тридцать с женщинами и детьми, которые только и делали, что повторяли:

– Турци, турци, много турци!

В эту минуту мы выезжали из Балканских гор в Казанлыкскую долину. После узкого ущелья, стеснявшего дыхание и кругозор, перед нами развернулась просторная картина: широкой лентой лежала перед нами зеленая равнина, окаймленная вдали горами, тонувшими в голубоватом освещении. Столбы дыма там и сям по равнине обозначали горящие турецкие деревни, а налево от нас из-за зелени деревьев выглядывала красиво расположенная деревня Хаинкиой; к этой деревне мы и повернули наших коней. От Хаинкиойского ущелья до деревни оставалось всего версты четыре, и мы поехали шагом под лучами сильнейшего солнца. По дороге то и дело встречались болгары, которые снимали шапки и кланялись в пояс и до земли, умоляя, как мы могли понять, защитить их от турок. В особенности меня поразила фигура одного священника, который выбрался из Хаинкиой в горы вместе со своими прихожанами: он весь дрожал как в лихорадке, а рядом с ним, низко нам кланяясь и сняв шапку, старик болгарин показывал нам еще свежую рану на голову, говоря, что эта рана сегодня нанесена ему турками.

Из расспросов этих спасающихся в горы от страха перед турками болгар мы могли понять, что отряд генерала Гурко ушел из Хаинкиой два дня тому назад, что в горах теперь показались башибузуки и угрожают жителям Хаинкиой; жители в страхе бегут в горы по направлению к Тырнову, забирая с собой только ручной багаж. Положение наше становилось

² Ругательств (фр.)

критическим. До отряда Гурко оставались сутки, а может быть, и более пути. Башибузуки могли появиться каждую минуту, и что мог бы сделать против них наш маленький отряд в семь человек, вооруженных только пистолетами, да еще один казак, вооруженный как следует. Лошади наши утомились, и мы не могли бы даже ускакать от конных башибузуков, наконец турки могли подсторожить нас из-за какого-нибудь куста. Хорошо еще, думалось мне, если убьют моментально, а то попадешься к ним в руки, они начнут мучить и еще надругаются над нами, отсекая по частям руки, ноги, уши, как они делают с пленными. Придется, думалось мне, самому пустить себе пулю в голову, как скоро положение сделается безысходным.

Я взглянул на роскошную долину Казанлыка, освещенную ярким солнцем: столбы дыма там и сям стояли по ней густыми облаками, и чудная картина долины показалась мне зловещей и мрачной. На минуту мною овладела внутренняя тревога, и я силился ничем не выдать своего внутреннего состояния товарищам. Но спутники мои, французы, уже догадались, в чем дело, по выражению лиц бегущих болгар и по их смущенному виду. Ла Мотт и Дик Лонлей стали приставать ко мне с сотней вопросов, упреков, атакуя меня с двух сторон, не давая сосредоточиться и обдумать то, что надо делать. Ла Мотт настаивал, чтобы немедленно вернуться в Тырново; Дик Лонлей просто бранился; один испанец Пелисье сохранял философское спокойствие и ехал молча, угрюмо насупившись. Я и И. порешили прежде всего, что в подобном положении следует сохранять полнейшее строжайшее хладнокровие и импонировать на французов выражением спокойствия.

Между тем мы шагом подымались к деревне по широкой равнине, и если бы где-нибудь в окрестных горах находились башибузуки, они могли бы видеть наш маленький отряд как на ладони. Я подозвал к себе казака и, приняв вид спокойной беззаботности, спросил его:

– Можешь, брат, уложить человек десять турок!

– А Бог знает, ваше благородие, – отвечал казак, – как придется.

– А человека четыре уложишь? – настаивал я дальше.

– Четырех-то как не уложить, а только тут никто как Бог. Бог не поможет и с одним не справишься, а поможет, так и десять турок не страшны.

Ответ был успокоительный. Мы были уже у самой деревни, полагая не найти в ней ни одного болгарина, так как много болгар встретили по дороге. Мы подвигались с осторожностью, из опасения вместо болгар застать в деревне турок, но к удивлению нашему мы встретили в деревне много не ушедших еще жителей. Мужчины все были вооружены ружьями и сидели кучками у ручья, протекавшего посредине деревни; женщины, девушки и дети жались друг ко другу невдалеке от мужчин. Беспокойство и смятение было ярко написано на всех лицах. При нашем приближении крестьяне и крестьянки встали, подошли к нам навстречу, низко кланяясь и повторяя:

– Турки, башибузуки идут! Защити нас!

Мы показали им на их ружья и дали им понять, что они сами должны защищаться и что турки не страшны. В ответ на это жители стали спрашивать нас, когда придет к ним русское войско, и показывали на горы, говоря, что там все турки, которые придут и перережут их. Мы слезли с лошадей, привязали их и прежде всего попросили хлеба, молока и всего, что найдется для обеда. Нашлось весьма немного: хлеб и плоды. Пообедав, я порешил, что прежде всего надо отдохнуть от усталости и волнения и постараться уснуть хотя бы на полчаса.

Я отошел от товарищей в тень огромного орехового дерева, положил себе седло под голову и успел подремать около часа. Французы не ели и не спали, находясь в сильнейшей тревоге. Сквозь сон я слышал, как Ла Мотт громко жаловался на то, что поехал со мной; Дик Лонлей кричал, что он приехал на войну, чтобы быть корреспондентом, а не воевать. Мы решили остаться еще один час в Хаинкиой, чтобы дать вздохнуть лошадям и после этого ехать дальше, стараясь скорее нагнать отряд генерала Гурко. Кстати, мы нашли трех солдат болгарской дружины, отставших от отряда по болезни и собиравшихся, так же как и мы, нагонять отряд. Это

было нам на руку. Распрощавшись с жителями, в три часа дня мы снова сели на своих лошадей и двинулись в путь в сопровождении более многочисленной свиты. У нас была пехота в количестве трех болгар, кавалерия в образе казака и артиллерия в форме наших пистолетов. Бегство жителей из Хаинкиойя, попавшихся нам еще в горах, панический страх и смятение людей, которых мы застали в самой деревне, их уверения, что идут башибузуки резать их, наконец несколько выстрелов, о которых я забыл упомянуть выше и которые мы слышали в направлении Хаинкиой при нашем выезде из деревни, – все это повергло нас в тревогу и представило нашему воображению весь риск предстоящего нам пути до передового отряда генерала Гурко. На чем основывался панический страх жителей: на одном ли предположении, что башибузуки могли прийти или же башибузуки в действительности были близко и показывались у деревни? Объяснения этому мы никак не могли добиться у жителей по незнанию их языка и трудности объясняться с ними.

Как бы то ни было, мы выехали не в покойном состоянии духа. Спускаясь к ручью в версте от деревни, лошадь Ла Мотта у самого ручья шарахнулась в сторону, и сам Ла Мотт испустил крик:

– Глядите, глядите!

Я подсказал, и глазам моим представилось следующее зрелище. В ручье лежал на боку, скорчившись, турок: он был страшно худ, лицо его было желто и на щеке зияла большая рана, из которой струилась кровь и окрашивала вокруг него воду. На спине виднелся длинный поперечный разрез; стая мух шумела около ран. Раненый был еще жив, тяжело открывал глаза и как-то бессмысленно проводил мокрой рукой по груди и по боку, упорно повторяя одно и то же движение руки. Один из пехотинцев наших болгар, знавший по-турецки, обратился к раненому с вопросом: кто он такой и как попал сюда? Но турок не дал ответа, а может быть, и не слышал, и не видал нас. Он с трудом приподнялся на одной руке, повернулся на другой бок и тяжело опустил голову в воду раненой стороной лица. Несмотря на то что мы сами спешили и не могли терять времени, надеясь до ночи добраться в более безопасное место, мы единогласно решили оказать раненому помощь: послали тотчас же нашего казака в Хаинкиой, с тем чтоб он привел к нам поскорее из деревни несколько человек болгар. Казак ускакал, а мы попытались еще несколько раз вызвать раненого на ответ, но кроме глухих стонов ничего не добились от него.

Четыре болгарина, приведенные из деревни нашим казаком, ничего нам не объяснили. Они испугано смотрели на раненого турка и на наши приказания вытащить его из воды и снести в деревню жались друг к другу, повторяя в страхе: «Это турок, турок!». И только наши угрозы заставили их, вытащив раненого, понести его в деревню. Что было дальше с несчастным, мы не знаем, так как мы поспешили тронуться в дальнейший путь.

Дорога наша лежала вдоль Казанлыкской долины; на глазомер ширина долины, вытянувшейся между цепями гор, показалась мне версты в четыре или пять. Богатство долины бросалось в глаза и радовало взор. Густые виноградники, сжатые и несжатые поля, ореховые деревья, и на лугах густая и сочная трава. Долина представляла перед нами богатый, роскошно одаренный природой оазис среди диких и сумрачных гор; то был словно луч солнца между грозными тучами. Хотелось насладиться природой и прекрасным видом, но мысль, что из каждого куста, из-за каждой виноградной плантации могли появиться башибузуки, отравляла впечатление, и долина являлась в наших глазах розовым кустом, в котором скрывается ядовитая змея. Ла Мотт высказал замечание, что башибузуки непременно должны рыскать в хвосте передового отряда, убивая и обкрадывая оставших солдат. Все это было весьма возможно, и И. дошел до того, что составил даже целый план обороны в случае нападения на нас башибузуков. План этот состоял в том, чтобы при открытом на нас нападении немедленно слезть с седел, стать за лошадьми и отстреливаться из пистолетов до последней возможности; в случае же стрельбы в нас из-за кустов ринуться на неприятеля в кусты верхом на лошадях с громкими криками *ура*.

Отъехав еще верст пять или шесть, мы встретили партию болгар, мужчин и женщин, человек в пятнадцать или двадцать. Все они, не исключая и женщин, были вооружены кто палками, кто ружьями, и каждый тащил, кроме того, в руках какое-нибудь добро – кто узелок, кто ведро, а кто ящик. За толпой болгар ехали три тележки, доверху набитые разного рода скарбом, перинами, подушками и т. д. Мы остановились и остановили болгар. Начались расспросы с помощью мимики.

От болгар мы узнали, что Казанлык действительно взят отрядом генерала Гурко и что сам генерал и весь его отряд находятся в настоящую минуту в Казанлыке. До Казанлыка оставалось еще верст сорок, а было уже шесть часов вечера. Мы решили ехать скорее и постараться к полуночи добраться до Казанлыка. Наша пехота не позволяла нам ехать рысью, и мы уже подумывали, как бы от нее отделаться, как на наше счастье попались нам навстречу еще человек пять болгар, которые вели с собой трех лошадей. Мы остановили партию, приказали нашим пехотинцам рассестись на трех свободных лошадей, а одному болгарину ехать с нами до Казанлыка, чтоб отвести взятых у партии лошадей обратно. Болгары остались недовольны таким распоряжением и начали было шуметь, но мы прикрикнули на них, и они покорились. Обратив пехоту в кавалерию, мы поехали крупной рысью и галопом, но ненадолго. При спуске в небольшой ручеек пара лошадей, тащившая нашу двуколку – знаменитый передок, испугалась чего-то, вырвалась из рук Антона и понесла. Одна из лошадей запуталась в постромки, лошади начали бить, мы не могли их догнать, а они несли и били до тех пор, пока не сломали дышла и не остановились как вкопанные, но, увы, уже на развалинах нашего передка. Приходилось остановиться и помочь как-нибудь горю: придумали вырубить новое дышло и привязать его веревками к передку; к счастью же, у нас оказались и топор, и веревки. Казак слез с лошади, снял с себя винтовку, положил пику на землю и с топором отправился в ближайшие кусты вырубать дышло. Мы стояли довольно близко к горам: с правой стороны от дороги и до этих гор местность была покрыта кустами и деревьями, а по левую от нас сторону тянулась равнина, заканчивавшаяся также горами, но эти горы казались нам на расстоянии шести или семи верст. У подошвы этих дальних гор и слева же от нас лежала турецкая деревушка Уфлани. Она представляла в ту минуту облако дыма, среди которого прорезывался яркий красный столб пламени. Кем подожжена была эта деревня – было нам неизвестно. Мы стояли среди поля и без одной человеческой души вокруг. Минут через пять казак воротился из кустов с топором, но без дышла.

- Что ж ты дышла не принес? – обратились мы к нему.
- Винтовку надо взять, ваше благородие, – отвечал казак несколько угрюмо.
- Зачем винтовку?
- Да там, в канаве, в кустах пять человек турок лежат в красных шапочках. Не разобрал – спят они, что ли, живые ли, либо мертвые.
- Возьми винтовку да ступай рубить дышло в другое место и не очень шуми топором.

Казак снова отправился в кусты, а мы остались дожидаться его среди поля, недалеко от дороги, там, где сломалась наша тележка. Вновь какая-то смутная тревога и вместе непобедимое любопытство начинали овладевать мною. Мне хотелось пойти в кусты и посмотреть на лежавших там турок. Но внезапно несколько раздавшихся в стороне деревни глухих выстрелов отвлекли наше внимание в ту сторону. Раздались ли эти выстрелы в самой горячей деревне или за нею в горах – мы не могли различить хорошенько. Да и были ли то выстрелы? Быть может, то был треск обвалившихся от огня зданий. Как бы то ни было, но сильнейшее любопытство овладело мной: меня интересовала горящая недалеко деревня, и я объявил товарищам, что пойду туда и посмотрю, что там делается, пока чинят наш экипаж. И. и французы протестовали против этого, но я настоял на своем и пошел по направлению к деревне с Пелисье, вызвавшимся идти вместе со мной. Держа пистолет в руках наготове, мы подошли к деревне Уфлани. Красный столб пламени стал принимать, по мере нашего приближения, более неправильные

очертания пылавшего огня: то горел высокий плетень, обнесенный вокруг дотла уже сгоревшего дома; тянуло смрадом; деревья у плетня обуглились, и висевшие на них плоды съежились и приняли коричневый цвет.

Мы пошли дальше. Полная картина разрушения глянула на нас из-за деревьев. Деревня вся уже выгорела, кое-где еще торчали полуобрушенные стены жилищ; из-под них струился дым, и почва вся была покрыта тлеющим углем и усыпана сероватой золой. Но внутри огромных садов в Уфлани уцелели садовые деревья: ветви их ломились от вкусных и зрелых слив, белых и синих, абрикосов, незрелых еще груш и яблок. Мы стали трясти деревья, и плоды градом посыпались на землю. Наевшись вкусных плодов, мы направились к единственному негоревшему зданию – мечети. Она уцелела, вероятно, потому что была обнесена плотной стеной деревьев; деревья обуглились, но защитили святыню мусульман от огня. Мы вошли в мечеть: там не было заметно никаких признаков грабежа. Плохонькие, протертые ковры лежали на немытом полу; деревянные люстры низко спускались над самой головой, а в них торчали шкалики, наполненные маслом. Листы бумаги с изречениями из Корана были приклеены к внутренним стенам мечети. Обстановка была бедная, даже нищенская; и пусто было в самой мечети, пусто было и в деревне. Только собака залаяла, выползши откуда-то при нашем выходе из мечети. Мы поспешили назад с пожарища к нашим спутникам. Передок был уже починен, и лошади запряжены. Был 9-й час вечера; до ближайшего селения оставалось около 18 верст, и мы спешили добраться до него поскорее, чтобы в нем заночевать, не думая уже доехать в тот день до Казанлыка. Мы поехали крупной рысью и галопом; передок наш мчался за нами. Ярче и ярче выделялась на небе луна, сообщая фантастический вид картине. Горы казались окрашенными легким красноватым светом; сильный ветер внезапно поднялся по долине и ярко доносил до нас звуки где-то вдалеке раздававшихся пушечных выстрелов, словно ударов отдаленного грома. Такого ветра я не испытывал в своей жизни. Надо было усиливаться, чтобы сидеть прямо в седле. Пламя горящих деревень стало совсем красным при наступающей ночи. Мы быстро скакали, шпоря коней и нанося им удары плетью, так как лошади устали от длинного дня и долгой дороги, и к 12 часам ночи прибыли благополучно в Маглиш.

Опередив наш отряд, Ла Мотт въехал первым в деревню, и с ним произошла тут комическая сцена. Несколько человек солдат из болгарской дружины, оставленных в Маглише на посту или просто отставших от своего отряда, увидав скачущего по деревне всадника, окружили Ла Мотта, остановили его коня и угрожающим тоном требовали, чтоб он сошел с лошади и шел за ними под арест. Ла Мотт нашел наилучшим в таком положении уверять болгар на французском языке, что он русский князь и что поэтому его не следует трогать. Мы подскакали на эту сцену, прикрикнули на болгар, и все обошлось благополучно.

Отлично поспав в Маглише и хорошо поужинав, рано утром на следующий день мы поехали в Казанлык, отстоящий от Маглиша на двенадцать верст. Дорога шла сквозь густые розовые плантации, но розы уже отцвели, и мы видели одни только зеленые кусты. Между ними часто попадались на глаза валяющиеся и неприбранные еще трупы турецких солдат. Посредине дороги часто встречалась гниющая падаля заморенного в дороге или убитого в сражении коня. По направлению к Казанлыку доносился треск редких ружейных выстрелов. В 10 часов утра крыши и минареты Казанлыка выглянули из-за деревьев, и мы благополучно въехали в город, отыскивая штаб генерала Гурко. То был знаменитый день бегства турок из укреплений Шипки и занятия Шипки русскими войсками. То был день, завершивший блистательно переход отряда генерала Гурко через Балканы по тому пути, который мы только что сделали, нагнав наш славный передовой отряд.

Генерала Гурко не было в городе, он уехал в Шипку осматривать турецкие батареи, доставшиеся в руки русских. Мы застали в городе генерала Рауха, сядившегося уже на коня, чтоб ехать вслед за генералом Гурко на шипкинские укрепления. Он любезно предложил нам ехать с ним за 12 верст в Шипку, и несмотря на утомление после совершенной нами дороги,

мы поспешили принять любезное предложение генерала и двинулись вместе с ним и с частью штаба к Шипке. Дорогой генерал Раух и адъютанты Гурко удивлялись тому, как мы могли так счастливо проскочить между Хаинкиой и Казанлыком, не наткнувшись на башибузуков. Башибузуки, говорили они, бродят везде в горах, и в Казанлыкской долине они скрываются в полях, в кустах и в виноградниках, у самых стен Казанлыка, стреляя из засады в одиночных всадников; таким образом был убит на этих днях из-за куста полковник Роникер, отважившийся ехать один с небольшой свитой, и убит был всего в каких-нибудь трех верстах от города. Но мы были уже при отряде, мы скакали теперь с генералом Раухом, в сопровождении конвоя казаков, и только что перенесенное нами путешествие от Тырнова до Казанлыка казалось нам интересной и полной впечатлений картиной.

На Шипке

Знаменитый Шипкинский проход через Балканы – в руках русских со вчерашнего дня! Угрожаемые с двух сторон русскими силами, турки покинули неприступные высоты, защищающие выход из Балкан в Казанлыкскую долину, и втихомолку ушли в горы, оставив в руках русских все грозные батареи с орудиями и снарядами и весь лагерь в горах с палатками и запасами. Этот великий успех русского оружия был достигнут передовым отрядом генерала Гурко и отрядами, подошедшими с противоположной стороны из Габрова. Душой славного дела обхода Шипки с юга и замечательным его исполнителем был генерал Гурко. Быстрым движением в последних числах июня он перешел Балканы по несуществовавшей доселе дороге, по дороге, проложенной в три дня русскими пионерами через дебри и кручи Балканских гор, перешел с артиллерией в 16 орудий и, спустившись у деревни Хаинкиой в Казанлыкскую долину, неожиданно для турок напал на них с тыла. Непрерывным боем в течение 2, 3, 4, 5 и 6 июля подвигался генерал Гурко по Казанлыкской долине, сражаясь у каждой деревушки по дороге, занял Казанлык и оттуда повел свой отряд против засевших в неприступных высотах Шипки турецких войск. Угрюмая и дикая природа Балкан у Шипки, в соединении с воздвигнутыми на вершинах обрывистых гор неприятельскими батареями, представляла поистине страшную крепость для нападающих. 4 и 6 июля были горячие дни для передового отряда генерала Гурко. Стрелки отряда, взобравшись между кустами довольно близко к турецким укреплениям, уложили много турок в эти дни своими меткими выстрелами. Турки, видя возрастающую убыль в своих рядах и угрожаемые с другой стороны русскими отрядами, подошедшими через Балканы из Габрова, почувствовали себя между двух огней и пустились на хитрость. Они отправили в лагерь генерала Гурко парламентаря для переговоров о сдаче укреплений, и пока в нашем лагере парламентаря встречали с почетом и угощали как дорогого гостя, все турецкое войско бежало по лесным тропинкам в горы, бросив все на месте – и орудия, и военные припасы.

Я только что воротился с покинутых турками батарей и с гор, где происходили ежедневные битвы с 4 по 6 июля. Страшные, возмутительные картины представляются там для зрителя. Свежо еще поле сражения, еще дышит оно всеми ужасами битвы, еще неприбранные тела убитых турецких солдат валяются там и сям в беспорядке, по дороге и в кустах. (На взгляд, убитых турок очень много.) Но вот на одной из площадок горы открывается зрелище, от которого больно становится внутри. Турки, прежде чем покинули высоты Шипки, успели захватить в плен несколько раненых русских солдат и офицеров и зверски, дико изувечили их. В одном месте кучкой сложено 18 отрезанных голов русских воинов, и между ними голова одного полковника, начальника отряда пластунов; на перерубленной шее у него виднелась красная ленточка с крестом, приставшая к запекшейся крови. В другом месте лежат два-три десятка голых трупов русских же солдат и офицеров (у которых головы не отрезаны), над которыми турки совершили всевозможные жестокости. Все это трупы наших раненых, попавшихся в руки турок еще живыми.

Именно 6 июля 14-й и 15-й стрелковые батальоны и 200 человек пластунов подошли близко к турецкому лагерю, обстреливая и лагерь, и укрепления. Видя себя в опасности, турки пустились на гнусную хитрость: они послали навстречу нашим стрелкам парламентаря, как будто бы для переговоров; завидя белый флаг, стрелки и пластуны прекратили огонь, опустили ружья и послали своего парламентаря. Этой-то минутой воспользовались турки: они с горы ринулись внезапно на наши батальоны и заставили их податься назад. Отступая, наши солдаты не успели забрать с собой раненых, которыми немедленно завладели турки и учинили над ними кровавый пир, бесчеловечную месть за понесенные поражения. Турки замучили наших раненых живыми, отрубали им руки, ноги, разрубали их на части, наносили им удары ножами и штыками в грудь, живот и спину. Один из этих мучеников-солдат лежит на спине с отруб-

ленной головой, с застывшей поднятой вверх рукой и с пальцами, сложенными для крестного знамения; другой застыл скорченным в предсмертных судорогах с перерезанными на руках и ногах жилами. Тут же валяется рука в рукаве, повязанном повязкой Красного Креста. Врач, сопровождающий нас, констатировал тот факт, что все эти мученики были замучены живыми и умерли не от ран, полученных ими на поле битвы, а от турецких истязаний.

В числе зрителей между нами находились несколько французских корреспондентов и, между прочим, корреспондент «Таймс» (Times). Пусть оповестят они всему миру о том, как обращаются уже не башибузуки, а императорская турецкая армия, низам, с ранеными и пленными русскими! Художник Дик Лонлей (корреспондент «Монд иллюстре») и испанский художник Пелисье сняли рисунки с этого дикого зрелища.

На Шипке отряды наши нашли брошенные турецкими войсками четыре крупновские орудия и два горные дальнего метания, огромные военные запасы, запасы хлеба и всякого продовольствия. Взятием деревни Шипки отряд генерала Гурко отрезал находящиеся на Балканах войска от всякого сообщения с остальной турецкой армией и вместе с тем получил возможность атаковать их с тылу, что и вызвало их поспешное отступление.

*Казанлык,
8 июля 1877 г.*

Рассказ очевидцев о переходе Балкан

В прошлом письме моем к вам я упомянул в коротких словах о движении передового отряда генерала Гурко и о бегстве турок из укреплений Шипки. Возвращаясь сегодня снова к этому славному делу, в котором, бесспорно, на первом плане выдается переход нашего передового отряда через Балканы, так как благодаря только этому переходу турецкий гарнизон Шипки был отрезан от сообщения со своим операционным базисом – Филиппополем, принужден был бросить свои позиции и очистить старую, торную дорогу для войск через Балканы – из Габрова в Казанлыкскую долину. Укрепления Шипки сторожат на южном склоне Балканских гор Шипкинский проход и представляют по своему положению позиции, которые нельзя взять приступом, а разве одной блокадой, то есть принудив к сдаче голодом, для чего необходимо отрезать предварительно гарнизон Шипки от всякого сообщения с главным операционным базисом турецкой армии – Филиппополем. Поэтому главная задача передового отряда генерала Гурко состояла именно в том, чтобы пробраться в Шипку какой-нибудь неизвестной туркам дорогой через Балканы, напасть на них с тылу врасплох и окружить Шипку с юга, со стороны Казанлыка. При этом предполагалось, что другой отряд русского войска должен был двинуться с севера от Габрова по Шипкинскому проходу через Балканы и что гарнизон Шипки очутился таким образом окруженным русскими войсками с двух противоположных сторон.

Бесспорно, самой серьезной частью этого смелого предприятия было найти новую дорогу через Балканы, притом такую, по которой могли бы пройти войска с артиллерией из Тырнова в Казанлыкскую долину. Генерал Гурко, по занятии Тырнова, направил все свои старания к изысканию подобного пути через Балканы и прибег для этой цели к расспросам в Тырнове местных жителей – болгар, знакомых с краем. Из этих расспросов оказалось, что из Тырнова в Казанлыкскую долину существует малоизвестная тропа, годная только для выюка, проходящая через Балканы на деревушки: Плаково, Присово, Средне-Колибе, Войнешти, Райковцы и Паровца. Тропа эта узким ущельем выходит в Казанлыкскую долину у деревни Хаинкиой. При этом один болгарин – Ходжи Стоя уверял, что он проехал по сказанной тропе несколько лет тому назад на колесарке – двухколесном экипаже, провозя вино из Тырнова в Хаинкиой, но что он не ручается, чтоб с тех пор не произошло каких-либо обвалов, которые могли сделать тропу вовсе непроходимой. Как бы то ни было, передовому отряду генерала Гурко не приходилось долго медлить в Тырнове, и решено было пуститься в рискованное, опасное предприятие – проход через Балканы по неизвестному дотолу пути с войсками и артиллерией.

Немедля был организован для этого особый передовой отряд пионеров, составленный из одной сотни уральских казаков и конносаперной команды, собранной из разных казачьих сотен, отряд, совершенно неподготовленный к делу, состоящий из казаков и солдат, мало обученных саперному делу. Но зато командование этим отрядом было поручено опытному и сведущему офицеру генерального штаба – генералу Рауху, который и выступил 28 июня из Тырнова во главе своей небольшой колонны в Балканские горы. Задача генерала Рауха состояла в том, чтоб исследовать и быстро обратить упомянутую тропу на Хаинкиой в проходимую для артиллерии и войск дорогу, соблюдая при этом строжайшую тайну своего присутствия на Балканах, дабы не выдать ее туркам, зорко сторожившим все выходы с Балкан в Казанлыкскую долину. Отряд выступил налегке: офицерам запрещено было взять с собой обоз с вещами; следовали за отрядом всего несколько повозок с динамитом и шанцевыми инструментами. Отряд генерала Гурко должен был выступить вслед за передовым отрядом пионеров, но только двумя днями позже. Чтобы сохранить вполне секрет предприятия, генерал Раух при выступлении из Тырнова объявил всем и каждому, что отряд его направляется в Елену, куда дорога совпадала с дорогой на Хаинкиой до деревушки Средне-Колибе.

Выступив из Тырнова 28 июня, в 5 часов вечера отряд пионеров остановился на ночевку в деревне Плакове, где принужден был оставить фуры и громоздкие вещи, затруднявшие быстроту движения отрядов в горах. На другой день из Плакова выступили в 8 часов утра, непрерывно пролагая и поправляя дорогу сменными командами, спешивавшимися и догонявшими всадников, ехавших в голове колонны. К ночи этого дня отряд дошел до деревни Райковцы, встретив самые большие трудности близ селения Войнешти. Там крутой, обрывистый подъем в гору был весь загроможден огромными камнями и каменными глыбами, которые приходилось дробить кирками и сдвигать с места руками, так как генерал Раух, опасаясь выдать туркам присутствие своего малого отряда в горах, решил воздержаться от употребления динамита для взрыва камней. День был жаркий, накаленный и спертый в горах воздух затруднял дыхание работавших, в пище сказывался недостаток, ибо, кроме небольшого запаса сухарей, не было ничего другого, и фуры с провиантом были брошены еще вчера на дороге. Солдаты изнемогали от жары и усталости. Но генерал Раух и капитан Сахаров, сняв мундиры, с кирками и ломом в руках пошли впереди отряда и в течение нескольких часов работали сами, примером ободряя солдат. Для подъема на эту гору шестнадцати четырехфунтовых орудий, следовавших позади с отрядом генерала Гурко, были заказаны в селении Войнешти буйволы и волю.

Из Райковцев отряд пионеров рано утром двинулся далее и дошел в тот день до перевала близ селения Паровцы, где в память проложенного русскими войсками нового пути через Балканы было решено воздвигнуть, по предложению полковника графа Роникера, колонну. К несчастью, самого автора этого памятника – графа Роникера уже нет более в живых: он погиб на днях, и не на поле сражения, а на дороге, убитый из-за куста, недалеко от Шипки, пулей башибузука. Но возвращаясь к отряду. От перевала работа шла круглый день на южной стороне хребта, по спуску к руслу горной речки, текущей через Хаинкийское ущелье. В этот день отряд пионеров не пошел далее, ибо слишком отошли от главного отряда генерала Гурко, и представлялась опасность быть отрезанными неприятелем, находившимся всего в пятнадцати верстах расстояния от отряда. Насколько критическим могло стать ежеминутно положение этой горсти людей, заночевавших на узкой тропинке среди гор, можно судить уже по тому, что в это самое время в 15 верстах расстояния от отряда проходили через Хаинкию, направляясь в Сливно, три батальона турецкой пехоты. Отряд генерала Рауха стоял в ту минуту как раз у входа в узкое, дикое ущелье, на краю пропасти, стесненной высокими горами, и догадываясь турки о таком близком соседстве русских войск, отступление отряда по горному ущелью было бы невозможно, и весь отряд должен бы был погибнуть на месте до последнего человека. Но турки не предполагали у русских такой смелости и риска, как переход с артиллерией через Хаинкийское ущелье. Это ущелье, по-турецки Хаин-Боаз, пользуется у турок страшной известностью: ни птица туда не залетает, ни зверь туда не заходит, скрываются там одни только разбойники, да иногда отчаянный всадник заедет в это ущелье и торопится в страхе повернуть назад своего коня. Поэтому-то турки, заняв своими войсками все малейшие выходы с Балкан в Казанлыкскую долину, не сочли нужным занимать Хаинкийское ущелье как слишком хорошо защищенное самой природой диких гор.

Получив известие, что генерал Гурко находится уже с казачьей бригадой на перевале, генерал Раух позволил сделать разведку всего ущелья, а также и обходной дороги на запад от ущелья, по которой отправился сам с капитаном Сахаровым и по которой должна была пройти впоследствии конница параллельной колонной. По самому же ущелью, чтобы преждевременно не открыть туркам присутствия наших войск, генерал Раух отправил урядника князя Церетелева, переодетого болгаринном и в сопровождении трех настоящих болгар. Пройдя все ущелье до конца, вплоть до мельницы, принадлежащей туркам, князь Церетелев вернулся благополучно к отряду, убедившись, что дорога по ущелью проходима без поправок для горной артиллерии, а для конной – с небольшими исправлениями. На другой день весь отряд генерала Гурко находился уже на южном склоне Балканских гор, и передовые его части бивакировали

в 10 верстах от неприятеля. Тишина соблюдалась самая строгая, запрещено было громко разговаривать, зажигать спички и закуривать папиросы, не говоря уже о кострах, хотя ночь была сырая и холодная. 2 июля утром отряд генерала Гурко вышел из ущелья, имея впереди себя пластунов и батальон стрелков. Они наткнулись при выходе на четверых конных башибузуков, которые, завидев русских, быстро ускакали, подняв тревогу в неприятельском лагере и в соседних селах.

Батальон наших стрелков и отряд пластунов завязали тотчас же перестрелку с двумя ротами турок, расположенных в деревне Хаинкиой, и заставили их отступить. Турки бросили лагерь, а стрелки и пластуны дошли до селения Конары, где взяли другой турецкий лагерь, разогнав целый батальон турецкой пехоты. 2 июля весь отряд генерала Гурко находился уже в Казанлыкской долине, благополучно совершив переход через Балканы, не потеряв ни одного человека, даже ни одной лошади из тащивших в горы тяжелые орудия. Энергией и неутомимой деятельностью наших пионеров и в особенности присутствием духа и смелостью командира их генерала Рауха был проложен путь, по которому беспрепятственно прошел передовой отряд генерал-лейтенанта Гурко. Нравственное впечатление, произведенное на турок отважным переходом передового отряда через Балканы, было громовое. Они отступили перед нашим отрядом вдоль всей Казанлыкской долины, и хотя крепко держались несколько часов в деревне Уфлани, но в конце концов очистили и Казанлык перед отрядом генерала Гурко. Вместе с тем, растерявшись от такого неожиданного появления русских в Казанлыкской долине и атакованные с севера отрядом Орловского полка с казаками, турки упали духом и не решились держаться долее в укреплениях Шипки, убежав оттуда в горы и бросив неприступную позицию почти без боя. Окружные села и города, как Ески-Загра и Калофер, поспешили прислать генералу Гурко депутации с изъявлением покорности и с известием, что турки сложили в этих городах оружие, моля о пощаде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.